

Глава 6

Ириней (Иван Нестерович), 1826–1830

25 января 1826 года во епископа Пензенского и Саратовского был наречен настоятель Курковского Рождественско-Богородицкого монастыря Кишиневской епархии, ректор Кишиневской духовной семинарии архимандрит Ириней (1783–1864). 31 января состоялась его епископ-ская хиротония. Однако в Пензу он сразу приехать не смог, поскольку события чрезвычайной важности задержали его в Петербурге. 19 ноября 1825 года в Таганроге скончался император Александр I, и 27 ноября эта весть достигла Петербурга. Неожиданная смерть Александра I и отказ от престола его брата Константина Павловича породили в столице напряженность, которая разрешилась восстанием декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года во время приведения к присяге войск ново-му императору Николаю I. 28 февраля 1826 года в Царское Село было до-ставлено тело Александра I, 13 марта погребенное в Петропавловском соборе, недалеко от которого, в Алексеевском равелине, уже находились декабристы, ожидавшие своей дальнейшей участи. В числе встречавших погребальную процессию с гробом Александра I на границе Новгородской и С.-Петербургской губерний был и епископ Ириней. Он находился в Петербурге до середины июля 1826 года, так что был свидетелем и вынесения приговора декабристам, и, возможно, свидетелем казни 13 июля пятерых мятежников, и уж во всяком случае участником молебствия на Сенатской площади, состоявшегося на следующий день после казни декабристов. В ближайшие после этого дни Николай I отбыл для коронавания в Москву, где 19 июля состоялось молебствие по случаю подавления восстания. 22 августа епископ Ириней в числе других священнослужителей присутствовал на коронавании Николая I в Москве.

В биографических сведениях о преосвященном Иринее много противоречивого, начиная с его фамилии и национальности. В одних источниках его фамилия пишется как Нестерович²⁷, в других²⁸ через “о” – Несторович. В одном месте²⁹ сообщается, что он серб, в других³⁰ – что ма-

лоросс. Одни авторы, основываясь на слухах, сплетнях и наговорах, рисуют его облик, вполне оправдывающий такую, данную ему характеристику: “Он заявил себя такими чудачествами и странными выходками, которые, наконец, довели его до того, что он был заподозрен в умопомешательстве”³¹. Другие, напротив, отдадут дань его беззаветному служению Церкви Христовой: “Это тот самый Ириней Нестерович, который впоследствии, сделавшись архиереем, и особенно в качестве архиепископа Иркутского, оказался таким оригинальным горячим защитником церковной независимости в борьбе с некоторыми притязаниями гражданской администрации; защитником, каких уже мало было в XIX веке, а в настоящее, бедное живую оригинальностью и почином, время – как будто уже и немислимым...”³² Именно последнее обстоятельство – столкновение его с генерал-губернатором Восточной Сибири А. С. Лавинским – и послужило причиной его опалы. А его оппозиция гражданской власти и неповиновение императорской воли, да еще в столь необычной форме, – действительно, не могли не дать повод усомниться в его здравом рассудке. Все эти разночтения только подогревают интерес к личности архиепископа Ириня, однако разрешить все противоречия его незаурядной натуры и биографические несоответствия, имеющиеся в разных источниках, пока не представляется возможным. Поэтому ограничимся только теми сведениями, которые не требуют дополнительной проверки.

Родился Иван Гаврилович, как звали в миру будущего архиерея, 25 января 1783 года в селе Старые Дмитрушки Уманского уезда Киевской губернии. В связи со смертью своего отца, священника церкви в Старых Дмитрушках, воспитывался он в семье своей старшей сестры Александры, бывшей замужем за священником с. Оксанино того же уезда Василием Пуришкевичем (впоследствии кафедральный протоиерей в Кишиневе). Окончил Киевскую духовную семинарию, а затем, в 1805 году, там же, – духовную академию, где в течение пяти лет преподавал математику, латынь и немецкий язык. В 1810 году экзарх Молдавии, Валахии и Бессарабии митрополит Гавриил (Бодони-Банулеско), имевший местом пребывания город Яссы (сейчас в Румынии), бывший до 1859 года столицей Молдавского княжества, назначил Нестеровича учителем греческого языка в главное Молдо-Влахийское училище, а через два года перевел его в Кишинев – город Бессарабской области, куда переехал и сам, став митрополитом новоучрежденной Кишиневско-Хотинской епархии.

Бессарабская область образовалась из восточной части Молдавского княжества, лежащей между реками Прут и Днестр, которая отошла России по Бухарестскому мирному договору 1812 года после окончания русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Начавшаяся усиленная колониза-

ция этого малонаселенного края после присоединения его к России и привела к необходимости открытия новой епархии. Первыми шагами митрополита Гавриила здесь стало устройство духовной семинарии и при ней пансиона для благородного молдаванского юношества. Именно для этого им и был переведен в Кишинев Иван Гаврилович Нестерович, назначенный вскоре префектом семинарии.

11 ноября 1813 года он был пострижен в монашество. Для многих такой выбор им дальнейшего жизненного пути был полной неожиданностью. Красивый и умный, общительный и обходительный в обращении, отличавшийся особым красноречием, он пользовался большой известностью в кишиневских кругах и, в особенности, среди женского пола, будучи завидным для них женихом. Но мать его мечтала, чтобы он стал монахом, и всячески ограждала его от посягательств местных молдаванок. “Не умру, – говорила она ему, – до тех пор, пока ты не будешь монахом. У нас много родных – бедных; ты должен помогать им”. Не знаю, чего было больше в этом ее стремлении: действительно ли забота о благополучии своих близких, реальный шанс в улучшении положения которых она связывала с карьерой на духовном поприще ее не обделенного талантами сына, или же обычная ревность рано овдовевшей матери, не желавшей делить ни с кем своего любимца, а может быть, искреннее стремление богомольной женщины оградить свое чадо от тлетворного влияния мира, сделав его недоступным для многих мирских соблазнов, губительным образом действующих на душу. А скорее всего, всё это вместе взятое.

Как бы там ни было, а вскоре Иван Нестерович – душа общества – отгородился от него непреодолимой стеной – сознательного служения Всевышнему, став монахом Иринеем. Следом за ним и его мать Агафия постриглась в монахини с именем Аполлиарии и через год скончалась в Речульском скиту с чувством исполненного долга. Похоронив мать, Ириной выполнил и другое ее пожелание – забрал к себе многочисленную родню: свою овдовевшую сестру Агриппину с детьми, двух племянниц от старшей сестры, выдав их замуж, а затем и свою любимую племянницу Пелагею, подыскав ей жениха – учителя Кишиневской семинарии М. О. Дыдицкого.

К тому времени, как и надеялась когда-то его мать, Ириной достиг уже достаточно высокого положения и мог оказать своим родственникам такое же внимание, какое получил и сам от них, рано оставшись без отца. Путь его по монашеской стезе был типичным для деятельного и способного инока: сначала, как водится, – иеродиакон, иеромонах, затем, в 1815 году был возведен в сан игумена, а 21 мая 1817 года – в архимандрита. Став ректором Кишиневской семинарии, 4 мая 1818 года за заслуги на ниве духовного просвещения был награжден орденом Св. Анны 2-й сте-

пени. 1 марта 1824 года он был удостоен еще одной награды – ордена Св. Владимира 3-й степени.

На архиерейских обедах, которые давались в Кишиневе по большим праздникам – на Пасху, Рождество и на Новый год, гостями, кроме духовенства, были и представители аристократии: высшие чины во главе с исправляющим должность наместника Бессарабской области генерал-лейтенантом Иваном Никитичем Инзовым. Герой русско-турецких войн и Отечественной войны 1812 года, он с 1818 года был председателем Попечительного комитета о колонистах Южной России, состоявшего в ведомстве Коллегии иностранных дел и находившегося тогда в Екатеринославе. В этот комитет, с целью удаления из Петербурга, в 1820 году был определен на службу Александр Сергеевич Пушкин. 15 июня 1820 года Инзову вменилось в обязанность временно замещать ушедшего в продолжительный отпуск наместника Бессарабской области А. Н. Бахметева, в связи с чем он переехал в Кишинев и перевел туда свой Попечительный комитет. Вместе со своим начальником в Кишинев прибыл и Пушкин. Здесь-то и пересеклись пути 40-летнего ректора Кишиневской семинарии архимандрита Ириная и 20-летнего поэтического русского гения. Пересеклись при обстоятельствах, прямо-таки скажем, не красящих великого поэта, как, впрочем, и многие его человеческие “слабости”, особенно распустившиеся в Кишиневе.

Как вспоминает племянница Ириная П. В. Дыдицкая, на архиерейских обедах вместе с Инзовым бывал и поселившийся в его доме Пушкин. Частенько приезжали они и к самому ректору, с удовольствием гуляли в прекрасном семинарском саду. Любил поэт рядиться в разные одежды, изображая из себя то серба, то молдаванина, то турка, а то и жида, – в общем, чудил как мог, скрашивая себе жите-бытье вдали от столицы. Ходил он вместе с Инзовым и на богослужения. Но в то время, как его начальник усердно молился, Пушкин занимался тем, что, шутиливо кладя земные поклоны, корчил знакомым дамам гримасы. Воспоминания современников о почти трехлетнем кишиневском периоде жизни Пушкина (сентябрь 1820 – июнь 1823 гг.) рисуют его в разных тонах. С одной стороны, это был довольно плодотворный период его поэтического творчества, а с другой – то, что называют юродством поэта, или, иначе говоря, – его беспорядочная жизнь, на которой, находясь под гипнозом пушкинского величия и значения для России Пушкина-поэта, обычно не любят заострять внимания, считая, что гению позволительны любые поступки, даже откровенно безнравственные. П. В. Анненков по этому поводу говорит, что в Кишиневе “начинается короткая полоса Пушкинско-

го кощунства и отрицания, о которой принято у нас умалчивать, как буд-то бы это мимолетное и случайное настроение способно в глазах мыслящего человека изменить, отнять хоть одну черту из того светлого образа его поэтической личности...”³³ Здесь речь идет о написании поэтом в 1822 году рукописной поэмы “Гавриилиада”, “в сочинении которой, – как пишет издатель “Русского архива” П. И. - Бартенев, – Пушкин потом так горько раскаивался, и которая впоследствии возбудила против него справедливое негодование людей благомыслящих и навлекла неприятности со стороны духовного начальства. Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивал, отнимал их и сердился, когда ему напоминали о ней”³⁴. Написание этой премерзкой, богохульной поэмы многие пушкинисты пытаются объяснить разными обстоятельствами, стараясь как-то смягчить содеянное им, но как бы то ни было – дело сделано и отвечать за него придется. Не перед людьми, а перед Богом. Не нам судить поэта, поскольку слишком велика эта личность. Ибо если поделить все, сделанное им для России, на его нравственные прегрешения перед Богом и сравнить с тем, что получится от аналогично проведенной операции с нашими собственными делишками и нашими грехами, на сколько же порядков будет разница?! Но все же свое отношение – не к поэту, а к его поступку – высказать вправе каждый. Для человека неверующего – этой поэмой Пушкин просто один миф заменил другим: непристойным – в глазах людей нравственно-щепетильных, и просто озорным – для привыкших к пушкинским “шалостям” и его любовным похождениям. Для верующих же людей – это, естественно, было неслыханным святотатством. А искупил ли поэт его своим покаянием, знает лишь один Господь.

Так что же случилось в одну из встреч архимандрита Ириней с Пушкиным?

Ректор семинарии часто приезжал в дом Инзова, чтобы по его просьбе наставлять на путь истинный Пушкина, склонного ко всякого рода неумеренностям в поступках. И вот как-то, в страстную пятницу, монах застает Пушкина за чтением книги. “Чем это вы занимаетесь?” – спрашивает он Александра Сергеевича. – “Да вот, читаю историю одной статуи”. Какой же ужас и негодование испытал архимандрит, когда увидел, что перед Пушкиным лежит Святое Евангелие! Если бы поэт не стал ёрничать, то этот факт мог быть истолкован очень положительно: чтение Евангелия на Страстной седмице, накануне Пасхи, – что еще лучшего желать для 22-летнего молодого человека, не отличавшегося примерным поведением? Но слова – “история одной статуи”, сорвавшиеся с его языка, сыграли свою роль. “Что это вы сказали? Как вы смеете это говорить? Вы безбожник! Я на вас сейчас же бумагу подам – и вас за это строжайше накажут”, – вознегодовал архимандрит. А надо заметить, что он отличался вспыльчивостью, особенно когда дело касалось предметов, священных для него. При этом Ириней как-то забывал, что данное ему при пострижении имя означает по-гречески “мирный”. Но, в то же время, он был и отходчив, оправдывая данную ему характеристику Ф. Ф. Вигелем,

вообще мало о ком отзывающимся хорошо, – “человек пылкий, сведущий и исполненный святости без изуверства”. Однако, поскольку дело могло принять серьезный оборот, пришлось Пушкину срочно обращаться к Пелагее Васильевне Дыдицкой с просьбой повлиять на своего дядю.

Конечно, не зная истинных мотивов обращения поэта к Евангелию, можно было бы истолковать этот эксцесс приблизительно таким образом: мол, довольно часто молодые люди, застигнутые внезапно за проявлением ими возвышенных чувств либо поступков, стараются из ложной скромности сразу же перечеркнуть их, показывая себя хуже, чем есть на самом деле, и, как говорится, здесь не обходится без нечистого. Но в данном случае кощунство совершалось гораздо худшее, чем можно было предположить на основании лишь сказанных Пушкиным слов. Бес в то время не только дергал поэта за язык, но и всецело держал его в своей власти, направляя неумную фантазию поэта на переименование Священного Писания, вылившееся вскоре в богопротивную “Гавриилиаду”. И что особенно трагично – делалось это накануне Христова Воскресения, в тот самый момент, когда Господь был распят на кресте. Простится ли поэту, что он сам в этот момент распинал Христа? Вот уж действительно – не ведаем, что творим.

Деятельность архимандрита Иринаея на посту ректора семинарии была замечена Синодом, и в 1824 году он вызывается в Петербург на чреду священнослужения и проповедания Слова Божия, – обычная практика, предшествовавшая архиерейскому посвящению. Через два года, как мы уже знаем, он возглавил Пензенскую кафедру. Пребывание Иринаея на посту Пензенского и Саратовского епископа ознаменовалось двумя важными его инициативами. Одна из них, правда, больше касалась Саратовской губернии и заключалась в разработке предложений, направленных на ослабление в губернии раскола. Эти предложения, предусматривающие ужесточение политики против раскольников, были приняты правительством и привели к ликвидации раскольнических иргизских монастырей. Другая инициатива касалась всей епархии, обнимающей обе губернии. Являясь прекрасным проповедником, Преосвященный, приехав в Пензу, сразу же отметил недостаток этой черты у местного духовенства, которое в своем служении Богу забывало о прихожанах – об их религиозном просвещении, делающим отношение к вопросам веры осмысленным. Поэтому 3 декабря 1827 года епископ своим распоряжением обязал священников после литургии разъяснять прихожанам азы Православия – Символ Веры, заповеди Божии, а также обучать их молитвам. Но усиление проповедничества не нашло понимания у гражданской власти, только что избавившейся от грозных обличений епископа Амвросия. Новый проповедник, да к тому же отстаивавший интересы своего ведомства, также пришелся не по вкусу пензенской администрации. Не понравилась излишняя требовательность Владыки и духовенству, на котором, в результате сокращения епархии вдвое в связи с

Архиепископ Ириней (Нестерович)

отделением от нее 12 ноября 1828 года Саратовской епархии, он мог сосредоточить теперь более пристальное внимание. Тем более, что в 1829 году вышел указ Св. Синода о недопущении рукоположения в священники не окончивших полного курса духовной семинарии. До этого не редкостью было видеть среди иереев людей, не получивших даже элементарного школьного образования. Можно себе представить, какая польза была от таких пастырей. Однако епископ Пензенский и Саранский Иринея, как он стал теперь называться, не успел претворить этот синодальный указ в жизнь.

Дело в том, что в 1830 году скончался иркутский архиепископ Михаил (Бурдуков), и срочно понадобился деятельный архиерей, могущий возглавить не просто управление обширной епархией, простирающейся от Ледовитого океана до Китая, а на восток – до Камчатки и даже дальше – до Северо-Американских островов, но и имеющий опыт миссионерской работы среди инородцев. Выбор пал на епископа Иринея, которого 26 июля 1830 года возвели в сан архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского, выполняя тем самым волю Николая I избрать на это место “твердого и благонадежного” архиерея. Как показали дальнейшие события, твердости у архиепископа Иринея хватило с избытком – не только противостоять сибирскому генерал-губернатору, но и послушаться самого императора, чем заставил самодержца усомниться и в его “благонадежности”, и даже в здравости его рассудка.

Прибыл архиепископ Иринея в Иркутск 17 октября 1830 года, а уже в июле следующего года последовал императорский указ о лишении его архиерейства и ссылки в Спасо-Прилуцкий монастырь Вологодской епархии под бдительный надзор настоятеля монастыря и местного архиерея. Что же явилось причиной столь быстрой его отставки? Именно то его качество, которое стало решающим при выборе его кандидатуры – твердость. Люди, обладающие этим качеством, как правило, являются последовательными в своих поступках и не очень склонны к каким-то компромиссам, в особенности там, где затрагиваются интересы дела, которому они решили посвятить всю свою жизнь. И как в свое время епископ Амвросий в Пензе натолкнулся на противодействие местной администрации в отстаивании независимости духовного ведомства от притязаний светской власти, так и в Иркутске, по всей видимости, сложилась подобная же ситуация, которая закончилась для Иринея весьма плачевно. Но если в Пензе в расчете на удаление Амвросия его выставили в глазах императора лишь как весьма неуживчивого и строптивого человека, и тем самым не добились желаемого, то в Иркутске пошли дальше – наемкнули Николаю I на умственное расстройство Преосвященного, чем пред-

определили его дальнейшую судьбу.

Однако случилось непредвиденное – иркутский архиерей не поверил в подлинность указа Святейшего Синода об отрешении его от управления епархией и отказался ему подчиниться. Более того, он велел препроводить на гауптвахту чиновника, прибывшего, чтобы доставить его в Вологду. Подозревая, и не без основания, что причиной его отставки являются происки недоброжелателей, архиепископ Ириней, в опасении за свою жизнь, обратился к народу и духовенству за поддержкой, чем произвел в них определенное смятение. В общем, налицо был если и не бунт, то во всяком случае действия, подлежащие строгому наказанию, поскольку отказ исполнить повеление Его Императорского Величества, спустя всего лишь пять лет после восстания декабристов, невольно вызывал нежелательные ассоциации. Поэтому и не случайной была реакция Николая I, потребовавшего тщательного расследования данного поступка архиерея. И как сообщал синодальный прокурор Святейшему Синоду, “ежели по сему исследованию окажется, что поступок сей не в помешательстве ума, то, по мнению Его Величества, важность преступления заслуживает, чтобы виновный был лишен архиерейского сана и сослан в Соловецкий монастырь; но, впрочем, Его Величество предоставляет судить о сем Св. Синоду в свое время, (составить) постановление, на церковных законах основанное, и поднести оное к Высочайшему утверждению”³⁵.

Так что, учитывая грозящее архиерею наказание, надо заметить, что он еще относительно легко отделался. 26 ноября 1831 года архиепископ Ириней был отправлен из Иркутска под конвоем подполковника корпуса жандармов Брянчанинова и 18 декабря доставлен в Спасо-Прилуцкий монастырь Вологодской епархии. На следующий день в архиерейском доме с него был снят допрос и проведено медицинское обследование, которое показало полную вменяемость подсудимого. Святейшему Синоду было сообщено, что “ни по разговорам, ни по телодвижениям, ни по другим действиям никакого расстройств умственных способностей не замечается, равным образом и признаков бывшего расстройств сего рода при настоящем наблюдении не усмотрено”³⁶.

Так закончилась борьба архипастыря, прибывшего просвещать Сибирь Словом Божиим, с властью гражданской, и, увы, скорым и полным его поражением. Но так ли это? А может, уберег Господь своего верного, но слишком уж эмоционального слугу от того, что увидел тот на окраине Российской империи, где, как писал преосвященный Ириней обер-прокурору Святейшего Синода, процветало следующее: “Духовенство предалось пьянству до того, что один священник от оноу уже умер внезапно,

а следствия учинить никто не хочет, хотя и требовал оно от духовной и гражданской власти. Бесстыдство и сожжение совести возросло до высочайшей степени между духовенством и штатскими. Дети духовного звания не знают брака; с самых юных лет предаются оба пола пьянству и разврату, бьют своих родителей и отнимают дома у них, а гражданская власть и консистория сему всемерно спешествуют. От великого до малого, за исключением немногих, единокоренны и мудры в творении зла...”³⁷

Как подстреленная на взлете птица, оказался полный сил и долговременных планов вчерашний Владыка, вдруг, в роли пленника, которому было запрещено даже священнослужение. Согласно синодальному указу за ним был учрежден настоятелем монастыря постоянный надзор с обязанностью ежеквартально докладывать о его поведении в Синод. Естественно, что и братия монастыря, при такой официальной установке, стала чураться поступившего в монастырь пленника. Даже келью ему, в нарушение предписания Синода выделить для жительства пристройные комнаты, отвели сырую – словно хотели подстраховаться, будучи не в состоянии ответить на вопрос: что же считать пристойным для запрещенного в служении, лишенного своей кафедры, опального архиерея. Так что первым приобретением архиепископа в нелюбезно встретившем его монастыре стала простуда и, как следствие, ревматизм, не отпускавший его до последних дней. Одинокий, больной, удрученный свершившейся несправедливостью, лишенный подобающего его сану отношения, вел архиепископ в первые годы уединенную жизнь затворника, отказываясь от встреч с кем бы то ни было. Неизвестно, сколько продлилась бы его меланхолия, не пошли ему Господь человека, внешне еще более униженно, чем Ириней. Это был известный в Вологде юродивый Николай Матвеевич Рынин – высокой внутренней силы человек из купеческого звания, раздавший все свое имущество и наложивший на себя тяжкий подвиг юродства во Христе, за что ему был дан великий дар прозорливости. Он велел архиепископу забыть обиду и обратить свое лицо вновь к людям, нуждавшимся в его архипастырском слове. И хотя после этого Ириней и стал общаться с разными людьми, приходящими в монастырь, но душа его все же рвалась на волю: там и только там, в качестве управляющего какой-нибудь епархией, видел он возможность реализации всех своих способностей. И вновь Промысел Божий словами юродивого осадил его стремления, сказав ему: “Гпру, архиерей!” Тогда появилась другая мечта – перебраться в Кишиневскую епархию, с которой началось так внезапно оборвавшееся его восхождение по служебной лестнице. Но Синод не захотел входить с таким ходатайством к Николаю I, зная нетерпи-

мость императора к любым посягательствам на проявление своей монаршей воли и ту злопамятность, которая и нам хорошо известна хотя бы из его отношения к ссыльным декабристам. Митрополит же Новгородский и Санктпетербургский Серафим (Глаголевский) в 1836 году выразил сочувствие архиепископу Иринею такими многомудрыми словами: “Вы в скорби Вашей прибегли к Господу, Который есть Бог терпения и Бог утешения, помня при том сие слово Его: узкая врата и тесный путь вводят в живот. Вас же Сам Он поставил на спасительный путь сей: Сам Он идет им впереди Вас, неся Крест Свой; идите и Вы по следам Его, как верный слуга Его, да тако будете с Ним вечно и увидите славу Его”³⁸.

Вот в чем крест его, Иринея, – в терпении. И сразу стало как-то легче от этих слов. Предстал пред ним образ Христа – поруганного теми, кому Он нес спасение. Не то же самое ли произошло и с ним, недостойным? И где же то смирение, которому он сам когда-то учил свою паству, побуждая ее следовать примеру Христа? И поняв это, перестал роптать. А вскоре Синод разрешил направлять к нему раскольников для их увещевания. А следом допустили и к священнослужению, разрешили выезжать из монастыря. Видя изменение отношения к нему в высших сферах, и монастырские к нему заметно потеплели, в ответ и архиепископ стал активнее участвовать в жизни монастыря. Стал тратить назначенную ему пенсию всецело на дела благотворительности.

В 1848 году он был определен в настоятели Толгского монастыря Ярославской епархии, где и скончался 18 мая 1864 года в возрасте 81 года. Предчувствуя приближающуюся смерть, Преосвященный заранее приготовил для себя и гроб и могилу. И кто знает, может быть, окидывая взглядом свой долгий жизненный путь, он видел теперь случившуюся с ним иркутскую историю лишь как ниспосланное ему свыше испытание, призванное укротить в нем тщеславные помыслы прослыть апостолом Сибири и Дальнего Востока. Бывает, лишь непосильный груз дает человеку понять собственную немощь и приводит к смирению. А бывает, что для его же блага, но вопреки его желанию, приходится насильно лишать его этой ноши. И особенно обидно, когда эту миссию Господь вкладывает в руки твоих недоброжелателей и ненавистников. Но зато, переборов эту обиду, ты получаешь и мудрость, и смирение, и веру в то, что всё в руках Божиих, и что Он дает нести лишь только то, что тебе по плечу. Преосвященному Иринею Бог даровал долгую жизнь, и хочется надеяться, что ему будет чем оправдаться за нее перед Богом.

